

ний (стр. XIII—XXII) и *passim* в отделе *Critica* допущено слишком много опечаток. Это, естественно, снижает качество и, главное, надежность справочника.

В общем же, несмотря на указанные недостатки труда Колонна, следует признать его и ценным, и нужным как в качестве вводного тома к повторному изданию Боннского корпуса, так и в качестве пособия при работе над отдельными исследованиями. Остается пожелать составительнице справочника — при подготовке второго тома и при возможном переиздании первого — с еще большей тщательностью отнестись к своему делу, особенно же к литературе на русском языке, и, быть может, попытаться изучить русский язык, как это делали и делают многие иностранные византилисты. Ведь еще Карл Крumbacher, сам прекрасный знавший русский язык и не представлявший себе историка Византии, который не был бы знаком с русским языком, писал: „Das Russische wird vermutlich sogar zum Range einer Hauptweltsprache emporsteigen“<sup>1\*</sup>.

*Е. Ч. Скржинская*

## A HISTORY OF THE CRUSADES.

Vol. I: the first hundred years. Philadelphia, 1955.

До сравнительно недавнего времени работы американских, так же, как и английских медиевистов по истории крестовых походов не пользовались сколько-нибудь широким признанием в кругах специалистов. Пальма первенства в разработке этой темы исстари принадлежала французским и немецким ученым. В последние годы положение начало меняться. Медиевисты США и Англии стали проявлять все возрастающую активность в изучении этой области средневековой истории.

Вслед за трехтомным сочинением английского византилиста С. Рэнсимена<sup>1</sup> вышел в свет первый том коллективного труда „История крестовых походов“ в США (в издании Пенсильванского университета). Этим положено начало публикации обширного издания (всего намечено выпустить пять томов), которое, по замыслу американских историков, должно послужить как бы генеральной сводкой всего, чем располагает в настоящее время западная историческая наука по истории крестовых походов<sup>2</sup>.

Издание фундаментальной „Истории крестовых походов“ было задумано в США еще в 30-х годах, вскоре после того, как американские медиевисты опубликовали сборник статей по вопросам, связанным с изучением крестовых походов, посвященный известному исследователю этой проблемы Д. К. Манро<sup>3</sup>. В свое время он и сам намеревался написать сводный труд по истории крестоносного движения. Манро собрал большой материал источников, дважды самолично побывал на Ближнем Востоке с научными целями, но в 1933 г. умер, так и не успев закончить всей своей работы<sup>4</sup>. Более или менее завершенной ее частью оказалось лишь исследование „Королевство крестоносцев“, которое

\* К. Krumbacher. Der Kulturwert des Slavischen und die slavische Philologie in Deutschland, 1908. Ср. А. А. Васильев. Карл Крumbacher (некролог). ЖМНП, 1910, февраль, стр. 88—102.

<sup>1</sup> См. ВВ, XIV, 1958, стр. 298 сл.

<sup>2</sup> Французский византолог В. Лоран в своей краткой рецензии на первый том пенсильванской „Истории крестовых походов“ называет все издание „магистральным предприятием“, которое должно будет представлять собой „великую научную историю крестовых походов, до сих пор еще не созданную“ (см. REB, t. XIV, 1956, p. 297).

<sup>3</sup> The Crusades and other Historical Essays Presented to D. C. Munro. New York, 1928.

<sup>4</sup> См. AHR, t. XXXVIII, 1933.

было подготовлено к печати, а затем опубликовано в 1936 г.<sup>5</sup> одним из его учеников — А. К. Креем.

После смерти Манро, которого по праву можно назвать пионером изучения истории крестовых походов в США, его мысль о создании обобщающего труда, который охватывал бы всю историю крестового движения, увлекла других американских медиевистов, преимущественно его учеников, а также других историков (помимо А. Крея, следует назвать Дж. Л. Ла Монт и Ф. Данкэлфа). Их инициативу одобрила „Американская историческая ассоциация“, на очередной сессии которой в 1938 г. в Чикаго был образован Комитет медиевистов для составления плана коллективного труда по истории крестовых походов. В 1939 г. план был разработан, но начавшаяся вскоре вторая мировая война помешала его реализации.

Американские историки тем не менее не оставили своих намерений. Наиболее деятельный и плодовитый среди них Дж. Л. Ла Монт, автор книги по истории Иерусалимского королевства<sup>6</sup>, и в военные годы не прекращал исследовательской работы<sup>7</sup>. Продолжали работать и некоторые другие медиевисты США.

После окончания войны старые планы были возрождены стараниями главным образом Ла Монта, который и сделался инициатором и организатором проведения их в жизнь. Дело было поставлено на этот раз очень широко: решено было привлечь к написанию этого коллективного труда не только американских, но и виднейших западноевропейских ученых. В 1947 г. Ла Монт разработал „Проект международной коллективной истории крестовых походов“. Однако, подобно Манро, и ему не довелось дожить до осуществления этих широких замыслов: Ла Монт скончался в 1949 г., незадолго до намечавшейся им поездки на Восток. Но другие американские медиевисты продолжали работать теперь уже под общим руководством профессора Пенсильванского университета византиноведа К. М. Сеттона. Результатом этой работы и является рецензируемый том „Истории крестовых походов“ (главная редакция первого тома принадлежит М. У. Болдуину).

Эта книга — весьма объемистый труд (около 700 страниц большого формата). В ее написании принимали участие 15 историков различных специальностей. Из 22 глав и разделов книги 12 написаны профессорами американских университетов, восемь — английскими учеными, один — французским и один — канадским историками. Среди авторов этого труда мы находим таких ученых, как С. Рэнсимен (Англия), К. Каэн (Франция), А. Крей, Ф. Данкэлф, Р. С. Лопес, П. Харанис (США). Каждый из них привлекался к написанию именно тех разделов и глав, которые были посвящены вопросам, непосредственно связанным с его предшествующей научной деятельностью. Так, „восточные“ главы („Халифат и арабские государства“, „Турецкое вторжение: сельджукиды“) принадлежат известным востоковедам — англичанину Г. Л. Р. Джиббу (Оксфорд) и французскому К. Каэну (Страсбург); очерк по истории Византии — американцу П. Харанису (Рутгерский университет), автору многочисленных работ по византийской истории; очерк о походе бедноты — Ф. Данкэлфу (Техасский университет), который еще в 1921 г. выступил со специальным исследованием на эту тему<sup>8</sup>; все остальные главы о Первом крестовом походе написаны С. Рэнсименом, по-

<sup>5</sup> D. C. Munro. *The Kingdom of the Crusades* New York, 1936.

<sup>6</sup> J. L. La Monte. *Feudal Monarchy in the Latin Kingdom of Jerusalem*. Cambridge, Mass., 1932.

<sup>7</sup> К этому времени относится его обобщающая статья „La papauté et les croisades“. „Renaissance“, vol. II—III. New York, 1944—1945, p. 154—167.

<sup>8</sup> F. Dunkelf. *The Peasant's Crusade*. AHR, t. XXVI, 1921, p. 440—453.

святившим, как известно, истории этого похода целый том своей собственной „Истории крестовых походов“; автором главы об „арьергардном“ крестовом походе 1101 г. является Дж. Л. Кэйт (Чикагский университет), ранее исследовавшая проблемы, связанные как раз с этим мало изученным до настоящего времени событием<sup>9</sup>, и т. д. Такое разделение труда между специалистами позволяет рассчитывать во всяком случае на фактическую надежность и обстоятельность рецензируемой книги.

„История крестовых походов“ отлично издана. Хороши карты, выполненные большей частью весьма скрупулезно: в томе 14 оригинальных карт, подробно показывающих пути следования крестоносцев на Восток, границы созданных ими государств и изменения этих границ, происходившие на протяжении XII в. Станным образом, однако, из поля зрения составителей карт выпал поход крестьянской бедноты; к тому же на картах не отмечено прохождение крестоносцев по европейским странам. Том снабжен подробнейшими указателями: географических названий, имен, а также детальной хронологической таблицей. Все эти подсобные материалы занимают 75 страниц текста и значительно облегчают пользование книгой.

Рецензируемый том посвящен предыстории и начальному этапу крестовых походов, т. е. концу XI—XII в. Подзаголовок тома гласит: „Первые сто лет“. Предыстории крестоносных предприятий отведена примерно третья часть книги. Она включает общую, довольно сжатую характеристику положения в Западной Европе в X—XI вв. (гл. I), описание войн Запада с арабами накануне крестовых походов, историю паломничеств в „святую землю“ (гл. II), наконец, историю стран и народов, судьбы которых оказались так или иначе связаны с крестовыми походами, в том числе — арабских государств, сельджуков и Византии (гл. III, V, VI). Впрочем, эти последние главы, так же как и глава об исмаилитах и ассасинах (гл. IV), по своему содержанию уже выходят за рамки предыстории крестовых походов, поскольку в них рассматриваются вопросы истории арабско-сельджукско-византийского мира и в эпоху самих крестовых походов. Пробелом в данной части книги является отсутствие в ней очерка истории армянских областей (Малой Азии), которые сыграли по-своему значительную роль в событиях этого периода. Во всяком случае эта проблема заслуживала большего внимания, чем деяния „героев“ главы об ассасинах. Это упущение, кстати, нарушает и общую структуру тома.

Основное содержание тома составляет история Первого (гл. VIII—X) и Второго (гл. XV) крестовых походов, а также событий и процессов, ближайшим образом предшествовавших этим предприятиям и непосредственно следовавших за ними, как-то: Пяченцкий и Клермонский соборы (гл. VII), крестовый поход 1101 г. (гл. XI), история государств крестоносцев (гл. XII, XIII, XVII), их войн с мусульманами (гл. XIV, XVI, XVIII, XIX). Том завершается очерком завоевания Саладином Иерусалимского королевства в 1187—1189 гг., т. е. изложением событий, непосредственно предшествовавших Третьему крестовому походу.

С точки зрения полноты фактического материала книга действительно представляет собой колоссальную сводку фактов по истории крестовых походов конца XI—XII вв., которыми располагает в настоящее время буржуазная историография и которые были добыты ею в результате кропотливейшей критики источников в течение последнего столетия (начиная с Г. Зибеля). В этом отношении рецензируемая книга является как бы своеобразной энциклопедией. При этом следует отметить, что авторы многих глав, трактующих даже собственно

<sup>9</sup> J. L. Cate. A Gay Crusader. Byz., XVI, 1942—1943, p. 503—526.

крестоносные сюжеты, не говоря уже о восточных и византийских проблемах, широко использовали не только латинские, но и арабские, армянские, греческие источники XII—XIII вв., причем не только в качестве какого-то дополнительного, вспомогательного материала, как это наблюдалось во многих старых работах буржуазных исследователей, но по мере возможности — наравне с латинскими нарративными и эпистолярными памятниками. Перед каждой главой помещается очень обстоятельный перечень источников, характеризующих, впрочем, довольно поверхностно. Здесь же дана библиография новейших исследований, относящихся к темам отдельных глав. Нельзя не заметить, однако, что в книге совершенно не учтены, за исключением V главы (К. Каэн), работы советских историков — ни по истории Византии, ни по истории Запада. Книга, несомненно, содержит ряд новых, по сути дела, с такой полнотой только еще вводимых в научный оборот фактов. Это отнесется, например, к главе о крестовом походе 1101 г., который в общих работах, за редкими исключениями, не рассматривался самостоятельно и вообще сколько-нибудь подробно. Между тем по своим масштабам, по числу участников этот поход едва ли уступал первой крестоносной экспедиции 1096—1099 гг.

Обилие подробностей — плод добросовестного изучения текстов — придает оттенок новизны даже таким местам книги, в которых изложение событий в общем и целом не выходит или почти не выходит из общепринятых рамок. В качестве примера можно сослаться на описание предыстории и истории Клермонского собора в VII главе. Автор ее, Ф. Данкэлф, касаясь вопроса о составе собора, сопоставляет разноречивые показания хроник и эпистолярия Урбана II о числе участников Клермонского собора (стр. 236); рисуя подготовку собора, он отмечает некоторые довольно курьезные факты, характеризующие обстановку, в которой у Урбана II сформировался план „священной войны“ [похищение епископа Ламберта Арраского, направлявшегося в Клермон, рыцарем Гарнье Тренельским (там же) и др.]. В другой главе тот же автор, описывая начало рыцарского похода, приводит любопытные данные, по-новому рисующие облик прославленного католической историографией всех времен Готфрида Бульонского: оказывается, в числе неблагоприятных дел, совершенных этим крестоносцем до его отправления на Восток, было разорение монастырей, расположенных в окрестностях замка Бульон. Перед началом похода Готфриду для исправления своей репутации пришлось даже сделать дарения в монастыри (стр. 267). Подобных деталей, почерпнутых из различных первоисточников, представляющих несомненный интерес для историка, в книге очень много.

Нельзя не отметить, что авторы отдельных глав нередко отходят от широко распространенных в историографии оценок и характеристик тех или иных явлений истории крестоносного движения. В частности, безусловно заслуживают внимания те места книги, в которых трактуются отношения крестоносцев и Византии и вполне обоснованно опровергаются ставшие уже традиционными легенды о „предательствах“ греков (стр. 320, 407—408 и др.)<sup>10</sup>. Наиболее выгодное впечатление в этом отношении оставляет V глава („Турецкое вторжение: сельджуки“). Автор ее — профессор Страсбургского университета К. Каэн, — развивая основные идеи своих прежних работ, по-новому, и притом

<sup>10</sup> Странным контрастом к этому выглядит совершенно неубедительное толкование П. Харанисом вопроса о времени и причинах обращения Византии на Запад (накануне Первого крестового похода). Автор VI главы, считая временем этого обращения 1095 г., а причиной его — желание византийского императора, преодолевшего к тому времени опасность, ранее грозившие Византии, осуществить широкое контрнаступление против сельджуков в Малой Азии с помощью Запада, лишь воспроизводит оши-

гораздо более верно, чем это делали другие западноевропейские ученые, трактует религиозно-политическую предысторию крестовых походов. Так, вопреки мнению католических историков, он доказывает (и этот тезис представляется вполне убедительным), что сельджукское завоевание не повлекло за собой какого-либо ухудшения в положении восточных христиан (с точки зрения их религиозного статуса), на чем так настаивали историки, слепо полагавшиеся на выдумки хронистов и lamentации пап по поводу преследований „неверными“ христиан. Нет никаких оснований думать, говорит Каэн, будто восточные христиане помышляли о каком-либо „освобождении“ из-под „ига“ сельджуков при помощи Запада; никто на Востоке не обращался за помощью к Западу (кроме, конечно, Византии) — такое обращение просто не соответствовало умонастроениям восточных христиан (стр. 159—160). В то же время Каэн старается установить, каким путем получили распространение легенды, приписывавшие сельджукам всяческие надругательства над христианами ближневосточных стран, что якобы и послужило причиной возмущения католического Запада, устремившегося на священную войну с „погаными“. Он подчеркивает в особенности роль папства в формировании этих легенд, указывая, что папство искусно использовало слабую осведомленность Западной Европы о событиях, происходивших на Востоке, для религиозной дезинформации и проповеди крестового похода во имя освобождения братьев-христиан (стр. 160).

Несмотря на все эти и некоторые другие, безусловно, положительные стороны первого тома пенсильванской „Истории крестовых походов“, в целом этот труд очень отчетливо демонстрирует слабость исходных идейно-методологических установок современной буржуазной историографии крестовых походов и свидетельствует о наличии в ней определенных тенденций, не соответствующих интересам научного изучения эпохи XI—XIII вв.

Бросается в глаза одна, едва ли не главная, особенность рецензируемой книги: отсутствие в ней глубоких и исчерпывающих разъяснений ряда коренных проблем истории крестовых походов. Рассмотрение огромной массы разнообразнейших фактов, собранных авторами, как бы заслонило от них принципиальные вопросы истории крестовых походов. Эти вопросы, неизбежно выдвигаемые при исследовании крестоносного движения, в книге большей частью обойдены молчанием.

Тщетно, например, искать в ней четкой и обстоятельной характеристики предпосылок крестовых походов. В главах, трактующих их предысторию, мы найдем великое множество фактов и рассуждений, касающихся и общественно-экономического развития Западной Европы в XI—XII вв., и вопросов взаимоотношений Запада с Византией накануне крестовых походов, и конфликтов „западных христиан“ с мусульманским миром в различных пунктах Средиземноморья в XI в., и паломничеств различных лиц в „святые места“, начиная чуть ли не со времен поздней Римской империи. Но все эти, по сути дела, вводные главы не позволяют все же составить сколько-нибудь ясного и законченного представления о том, что же вызвало крестовые походы, каковы были их общие предпосылки, почему они начались именно в конце XI в.

---

бочные выводы своей старой работы „Византия, Запад и происхождение Первого крестового похода“ (1949 г.) (см. P. Charanis, *Byzantium, the West and the Origin of the First Crusade*. Byz., XIX, 1949, p. 207—221). Ошибочность этого представления Хараниса была отмечена в докладе П. Лемерля на X Международном конгрессе историков в Риме в октябре 1955 г. (P. Lemerle, *Byzance et la croisade*, X Congresso Internazionale di scienze storiche. Relazioni, vol. III. Firenze, 1955, p. 600, п. 3). Подробно см. М. А. Заборов. Византийская политика папства и начало крестовых походов. „Средние века“, XIV, 1959 стр. 28—32.

В этом отношении книга приносит читателю серьезное разочарование: океан фактов — и почти никаких мало-мальски значительных обобщений.

Вот, например, единственное обобщающее суждение по вопросу о причинах крестовых походов, высказываемое в первой, вступительной главе: оказывается, все дело в том, что в XI—XII вв. европейцы „верили в бога и в собственное оружие. Им была свойственна склонность к приключениям и новшествам, восприимчивость к организации. Церковь и феодальная система, достигшие зрелости и сохранившие способность к дальнейшему развитию и экспансии, сделали возможными крестовые походы“ (стр. 29). Кажется, трудно более невразумительным образом определить причины крестовых походов — хотя бы с точки зрения внутреннего состояния Запада. Создается впечатление, что авторы большей частью уходят от решения больших проблем, будучи бессильны выяснить их должным образом.

Наиболее отчетливо это проявляется в следующих главах, посвященных непосредственно Первому крестовому походу, где авторы (Ф. Данкэлф, С. Рэнсимен) отказываются от каких бы то ни было попыток социального анализа событий 1096—1099 гг.

Поход крестьянской бедноты излагается Данкэлфом (гл. VIII) в традиционном для буржуазной историографии плане, т. е. как поход фанатиков, людей, всецело захваченных религиозным энтузиазмом, и пр. (стр. 266). Вопрос же о социальной направленности этого движения вообще не ставится — ни здесь, ни в следующей главе. Правда, автор ее (С. Рэнсимен) отмечает, между прочим, что „крестьяне не хотели ждать, пока сеньоры организуют свои войска и двинут их в поход“ (стр. 280), но это наблюдение сделано мимоходом и в общем контексте не приобретает серьезного значения. Почему бедняки не хотели ждать, в чем заключался скрытый смысл их нетерпеливости, — об этом остается лишь догадываться. А сделать это тем более трудно, что в предшествующей главе бездоказательно отвергается мнение старых историков, усматривавших одну из основных причин похода бедноты в неблагоприятных экономических условиях на Западе в конце XI в. (стр. 255)<sup>11</sup>.

Не возникает перед авторами и вопрос о том, существовала ли какая-нибудь связь между внутренними противоречиями, обнаружившимися в среде крестоносцев во время их движения к Иерусалиму, и социальным составом самого крестоносного ополчения. Этот вопрос не встает даже там, где сами источники, казалось бы, должны натолкнуть исследователя на мысль о наличии такой связи. Так, на стр. 326 глухо говорится о ропоте, охватившем армию после взятия Антиохии, когда между вождями начались распри из-за обладания ею. Отмечается, что этот ропот выразился в гневных выступлениях ораторов из среды рядовых воинов, ворвавшихся на заседание совета вождей (в ноябре 1098 г.) и угрожавших им разрушением антиохийских укреплений, но социальный смысл этих выступлений по-прежнему не понят автором. На

<sup>11</sup> См., например, R. Röhricht. *Geschichte des Ersten Kreuzzuges*. Innsbruck, 1901, S. 24; T. Wolff. *Die Bauernkreuzzüge des Jahres 1096*. Tübingen, 1891, S. 108—119. Ф. Данкэлф в обоснование своей точки зрения ссылается на то, что голодовки в XI в. носили локальный характер (стр. 255). Но, судя по данным хроник, эти „локальные“ голодовки в „семь тощих лет“ охватывали весьма обширные области! Несостоятельно также общее соображение автора VIII главы о том, что вторая половина XI в. была временем „возраставшего процветания“ на Западе, связанного с ростом городов, торговли, прогрессом в сельском хозяйстве и пр. (стр. 256). Для массы крестьянства экономический подъем, начавшийся в XI в., не принес улучшения жизненных условий. Голод, болезни, нищенское существование под гнетом сеньоров оставались уделом деревни накануне крестовых походов. Известные свидетельства об этом современных хронистов нельзя игнорировать.

стр. 327 вскользь (в двух строчках) говорится о разрушении войнами стен крепости Маарры (конец 1098 г.), но и это событие не привлекает особого внимания автора X главы. Упомянув о нем, он замечает лишь, что граф Раймунд Тулузский убедился теперь в невозможности далее откладывать продолжение похода. А между тем события под Мааррой знаменовали собой кульминационный пункт возмущения *populi pauperum* (так хронист Раймунд Агильерский называет массу рядовых участников ополчения) феодальными предводителями!

Естественно, что, отказываясь от анализа социальных проблем при изучении Первого крестового похода, авторы вынуждены ограничиваться изложением чисто фактического характера, повествовать о ходе экспедиции 1096—1099 гг. исключительно в плане ее военно-политической истории.

То же самое относится и к описанию Второго крестового похода. В главе об этом предприятии сделана, например, попытка выяснить его отличия от Первого крестового похода. Однако, хотя автор (В. Г. Бэрри, Виннипегский университет, Канада) и высказывает некоторые небезынтересные соображения по этому вопросу, давая, в частности, понять, что экспедиция 1147—1149 гг. была менее стихийным и более „организованным“ предприятием, в целом проблема эта поставлена весьма поверхностно. Центр тяжести перенесен на оценку второразрядных явлений формального порядка, характеризующих предысторию Второго крестового похода: указывается на детальное определение папской буллой статуса крестоносцев (стр. 464) и другие сравнительно малозначащие факты. Вместо выяснения реальных мотивов Второго крестового похода и его отличия от Первого Бэрри углубляется в доказательство того, что этот поход не был целиком делом папского престола, что проведение его стало возможным лишь благодаря благочестивому желанию Людовика VII помочь Востоку и вдохновенной проповеди Бернара Клервоского (стр. 469). Конечно, с таких позиций, т. е. обходя стороной более глубокие социально-политические различия между походами на Восток в 1096—1099 и в 1147—1149 гг., невозможно сколько-нибудь удовлетворительно разрешить поставленную автором задачу. Лишь в редких случаях авторы некоторых глав затрагивают отдельные вопросы, связанные с социальной проблематикой истории крестовых походов. Так, Данкэлф, рассказывая о Клермонской речи Урбана II, довольно реалистично оттеняет те мотивы этого выступления, которые соответствовали подлинным побуждениям рыцарства, заставившим его откликнуться на папскую речь. Он пишет о стремлениях к захватам и грабежам (стр. 245), имевших, по замечанию Данкэлфа, несомненно большее значение, нежели „альтруистические соображения насчет того, чтобы идти сражаться за восточных «братьев»“ (стр. 244). В другом месте тот же автор, рассматривая данные некоторых картуляриев, приходит к заключению, что накануне крестового похода церковь „сделала хороший бизнес на закупках и приобретении в залог за деньги собственности крестоносцев“ (стр. 256). Но даже такие высказывания, не слишком новые и смелые, встречаются в книге, повторяем, сравнительно редко.

Несостоятельность методологии авторов рецензируемой работы обнаруживается также и при изложении фактов, характеризующих идеологию крестоносцев. Религиозные воззрения крестоносцев и их земные устремления никак не связываются друг с другом: то и другое рассматривается отдельно — в качестве самостоятельно действовавших „факторов“ движения<sup>12</sup>. Лишь в виде исключения в книге отмечается, да и

<sup>12</sup> Отметим, кстати, что в настоящее время даже некоторые буржуазные историки считают назревшим изучение вопроса о тех материальных факторах, которые породили

то с оговорками, зависимость между накалом религиозного благочестия в крестоносном войске первого похода и реальным положением крестоносцев в тот или иной момент. Так, рассказывая об участвовавших во время борьбы за Антиохию случаях „видений“, являвшихся крестоносцам в снах, С. Рэнсимен ставит их до некоторой степени в связь с отчаянием, охватившим армию, когда она оказалась на краю голода (стр. 321). Впрочем, тот же автор при изложении пресловутой истории находки „святого копья“ в Антиохии, хотя и не исключает возможности того, что эта реликвия заранее была зарыта в землю Петром Варфоломеем (гипотеза вполне в рационалистическом духе), но высказывает и другое, несколько неожиданное и не вяжущееся с первым предположение: быть может, пишет он, Петр „обладал пророческим даром узнавать присутствие металла“ (стр. 321) (sic! — М. З.). Уступка мистицизму (что это за таинственный „магнетический дар“?) в данном случае тем более неуместна, что уже почти 70 лет назад немецкий исследователь куглеровской школы К. Кляйн показал, кем и каким образом был подстроен этот благочестивый обман. Было доказано, что обнаружение „святого копья“, местонахождение которого было якобы указано Петру Варфоломею самим „святым Андреем“, явилось всего-навсего мошеннической проделкой капеллана Раймунда Агильерского, составившего и рассказ об этом „чудесном“ происшествии в своей „Истории франков, которые взяли Иерусалим“<sup>13</sup>). Довольно странно выглядят и упоминания о чудесах, встречающиеся в других местах книги. Так, Бэрри безо всякого намека на критику известий источников сообщает о чудесах, якобы совершавшихся Бернаром Клервоским во время проповеди Второго крестового похода. Канадский историк замечает лишь, что эти чудеса вызвали религиозный энтузиазм среди слушателей речей аббата (стр. 472), но в сколько-нибудь серьезное рассмотрение приемов религиозной демагогии, применявшихся этим мракобесом, Бэрри не входит.

Говоря об идейном содержании рецензируемой книги, следует подчеркнуть, что внешняя объективность изложения при более пристальном его рассмотрении оказывается обманчивой, а обилие фактических деталей настолько велико, что воистину „за деревьями не видно леса“, что оно кажется все же определенным образом „организованным“. Нагромождение подробностей в общем подчинено идеям довольно консервативного толка, хотя прямо эти идеи и не формулируются авторами. Надо признать, что этот прием применен в пенсильванской „Истории крестовых походов“ с большой тонкостью и, если так можно выразиться, научным „изяществом“: авторы большей частью стараются избегать явной, открыто тенденциозной односторонности в освещении фактов; они описывают события и действия их участников с видимой полнотой и обстоятельностью, как бы подчеркивая тем самым свою научную добросовестность. Нельзя сказать, например, что крестоносцы Первого похода открыто идеализируются в книге. Авторы сообщают и подробности, рисующие облик многих участников событий 1096—1099 гг. в далеко не благоприятном для них свете. Так, неплохо выявлены черты таких алчных захватчиков, как Балдуин Фландрский и Танкред (стр. 296, 401). Верность истине соблюдена отчасти и в отношении графа Раймунда Тулузского, ради удовлетворения своего непомерного честолюбия не побрезговавшего предложить (во время борьбы за Маарру) крупные взятки другим сеньо-

самую „идею крестового похода“. Об этом свидетельствуют, в частности, отдельные выступления на X Международном конгрессе историков (см. *Atti del X Congresso Internazionale di scienze storiche*. Rome, 1957, p. 376, 381).

<sup>13</sup> C. Klein. Raimund von Aguilers. Quellenstudien zur Geschichte des ersten Kreuzzuges. Berlin, 1892, S. 55.



рам за то, чтобы они признали его главнокомандующим всей армией (стр. 327). Впрочем, в других местах эта колоритная фигура предводителя самого крупного из крестоносных ополчений несколько приукрашивается (стр. 272). Мы уже упоминали, что авторы не умолчали и о некоторых весьма отрицательных моментах из биографии Готфрида Бульонского (см. также стр. 263). И тем не менее невозможно освободиться от впечатления, что в целом в книге имеется определенный подбор фактов, осуществленный — вольно или невольно — с несомненной тенденциозностью в пользу крестоносцев. Показательно, например, что антимусульманским и антиеврейским погромам, учиненным крестоносцами в 1099 г. в захваченном ими Иерусалиме, уделено ровно восемь строчек (стр. 337). Зато чрезвычайно детально прослеживаются приготовления крестоносцев к штурму Иерусалима (стр. 335 сл.), да и самому штурму города посвящена целая страница (стр. 336—337), на которой автор не забывает оттенить „заслуг“ виднейших из крестоносцев в борьбе за „святыню“. Вообще Рэнсимен явно старается не задерживаться на сценах варварства жадных крестоносцев, сценах, раскрывающих подлинный облик „христово воинства“. То же наблюдается и в других разделах тома.

Естественно, что при таком распределении материала все изложение получает одностороннюю направленность: факты оказываются отобранными таким образом, что деяния рыцарей креста предстают в полном блеске, изображаются как геройские в буквальном смысле. Таким образом, тенденция к прославлению крестовых походов, присущая в большей или меньшей степени многим современным буржуазным историкам, налицо (хотя и в достаточно замаскированной форме) и в рецензируемой книге.

В книге отсутствуют единый замысел и строгая последовательность повествования. Это — существеннейший недостаток издания. Первый том „Истории крестовых походов“ нельзя считать цельным произведением, которое было бы проникнуто общими для него идеями и построено на основе единого плана. Это, скорее, собрание отдельных очерков по истории первых крестовых походов. Очерки даны в книге в определенной последовательности — в основном соответственно хронологическому порядку описываемых событий. Но этим в значительной степени и исчерпывается их взаимная связь. Отдельные главы не подчинены какой-либо общей идее, а в некоторых случаях их содержание по существу не связано с центральной темой книги. В особенности это относится к началу тома. Так, первая глава — „Западная Европа в эпоху крестовых походов“ — характеризует социально-политический облик западноевропейского общества в XI в., по сути дела, безотносительно к истории крестовых походов. Она не подчинена какой-либо задаче, связанной с изучением последних, хотя, казалось бы, именно здесь было бы уместно и целесообразно рассмотреть внутренние предпосылки крестоносного движения. Однако, за исключением нескольких замечаний сугубо частного характера (вроде того, что обычай феодальной „помощи“ сыграл большую роль в финансировании крестовых походов — стр. 13), такая связь в главе не ощущается. Нет ее и в большей части следующей, второй главы, названной — в духе зибельевского понимания крестовых походов — „Крест и полумесяц в Средиземноморье накануне Первого крестового похода“ (авторы: Б. Вилер, Мичиганский университет; К. Крюгер, Университет Цинциннати; Р. С. Лопес, Йельский университет; С. Рэнсимен). Даже история паломничеств в Палестину (стр. 72—73) излагается в основном в отрыве от истории крестовых походов: в главе почти не выделяется значение паломничеств для последующих военно-колониционных предприятий XI—XIII вв.

Отсутствие единства в книге проявляется и в том, что иногда одни и те же события трактуются совсем по-разному в главах, принадлежащих различным авторам. Так, С. Рэнсимен, автор раздела „Д“ второй главы — „Паломничество в Палестину до 1095 г.“, — утверждает, что сельджукское завоевание стран Переднего Востока создало крайние затруднения для благочестивых пилигримов. Он пишет о гонениях на христиан в Палестине с начала 90-х годов XI в., считая, что именно эти обстоятельства и явились толчком к движению „в защиту прямого действия“ (стр. 78). В противоположность этой традиционной точке зрения, К. Каэн, снова ставя вопрос о паломничествах в V главе тома, подчеркивает, что если паломники, направлявшиеся в Иерусалим, и сталкивались с препятствиями, то они носили случайный характер. Турки были веротерпимы, и нет никаких известий о нападениях сельджуков на пилигримов (стр. 160). Как было дело в действительности, об этом главная редакция, видимо, предоставляет судить самим читателям.

Неодинаково освещается политика фатимидского Египта в отношении крестоносцев в III главе (стр. 95; автор — Джибб) и в главе X (стр. 316; автор — Рэнсимен: в данном случае различие точек зрения оговорено даже в особом примечании на стр. 316). Далее, если Харанис утверждает, что Алексей I Комнин обратился за помощью к папе, готовясь перейти в наступление против сельджуков в Малой Азии (стр. 219), то Рэнсимен, повествуя о пребывании крестоносцев в Константинополе, заявляет, что Алексей I отнюдь не желал экспедиции, участники которой теперь явились в византийскую столицу (стр. 280). Несогласованность проявляется и в терминологическом разноречии, вызывающем недоумение. Так, название „Румский султанат“ впервые употреблено в главе XI — о походе 1101 г. (стр. 355); до этого даже в специальной „сельджукской“ V главе (Каэн) такое обозначение нигде не применено, и поэтому для читателя остается неясным, что же это за государство.

Не всегда достаточно последовательно проводится хронологический принцип изложения материала. В дополнение к сказанному уже в отношении глав III, IV, V и VI (см. выше) отметим, что неоправданные и вносящие путаницу нарушения последовательности повествования встречаются и в следующих главах. Так, история Первого крестового похода излагается по этапам, определяемым скорее географическими, чем хронологическими вехами предприятия: в VIII главе описываются события от Клермонского собора до прибытия крестоносцев в Константинополь (1095—1097 гг.), в IX — с этого последнего момента до начала осады Антиохии (1097—1098), X глава названа: „От Антиохии до Аскалона“ (1098—1099 гг.). В соответствии с этим принципом в первой из названных глав рассказывается о начале и крестьянского, и рыцарского походов. Но так как события в Малой Азии отнесены к следующей главе, в изложении образуется разрыв, и возникают хронологические неурядицы: VIII глава заканчивается описанием прибытия в византийскую столицу последних рыцарских отрядов (в мае 1097 г.), о судьбе же бедняцких ополчений, разгромленных еще осенью 1096 г., т. е. за полгода до этого, читатель узнает только в следующей главе.

В томе встречается много повторений, обусловленных главным образом очерковым характером книги. Например, дважды излагается история сельджукского завоевания Малой Азии (в гл. V и VI); дважды (в двух соседних главах) говорится об обращении Урбана II к Алексею I Комнину в 1089 г. (стр. 216—217 и 226); дважды описывается пленение в 1071 г. Романа IV Диогена; столько же раз читатель узнает, кого именно папа уполномочил вести проповедь крестового похода после Клермонского собора (стр. 251—252 и 255); дважды — и притом

в одних и тех же выражениях — дается оценка известий хроники Альберта Аахенского как основанных на свидетельствах очевидцев (стр. 252, примечание 12 и стр. 253) и т. п.

В некоторых случаях обнаруживается хронологическая разногласия, которая встречается как раз в повторяющихся местах: на стр. 23 основание Ключийского монастыря приурочено к 910 г., на стр. 74 — к 911 г., на стр. 148 взятие сельджуками Ани датировано безоговорочно 1065 г., а на стр. 190—1064 (1065) г.

Не свободна книга и от чисто редакционных недосмотров. На стр. 221 указывается, что работа Э. Джорансона о письме Алексея Комнина к графу Роберту Фландрскому напечатана на стр. 1—43 „American Historical Review“ за 1950 г. (№ LV), а на стр. 228, в примечании 14 сделаны ссылки уже на стр. 811—832 того же издания журнала, где будто бы опубликована эта работа. Примечание 16 на стр. 333 вообще не имеет никакого отношения к тексту этой страницы, а должно, скорее всего, быть отнесено к стр. 330.

Подводя итоги, можно отметить, что рецензируемая книга представляет значительный интерес преимущественно как фундаментальная сводка фактического материала по истории первых крестовых походов и как начало обширного труда по истории крестоносного движения в целом. Что же касается ее идейного содержания, то, несмотря на немалое количество ценных реалистических ~~соображений~~, в целом она не возвышается над общим уровнем современной буржуазной историографии крестовых походов с ее методологической беспомощностью, эклектизмом и заметными во многих случаях реакционными политическими тенденциями.

*М. А. Заборов*

## HUGO BUCHTHAL. MINIATURE PAINTING IN THE LATIN KINGDOM OF JERUSALEM.

**Clarendon press: oxford university press, 1957, XXXIV + 163 стр. + 155 таблиц**

Известный исследователь средневековой миниатюры Гуго Бухталь, перу которого принадлежит ряд ценных работ,<sup>1</sup> недавно выпустил монументальный труд, посвященный миниатюрной живописи Иерусалимского королевства. Это эфемерное христианское государство, существованию которого все время угрожали мусульмане, в конце концов его поглотившие, уже давно привлекает к себе внимание ученых. Возникнув в результате Первого крестового похода, оно проводило политику жестокого подавления местного населения и пыталось насадить на Востоке развитые феодальные отношения Запада, создать здесь крупные очаги западной культуры.

Как в любом средневековом государстве военного типа ведущая роль в искусстве принадлежала крепостной архитектуре, в которой крестоносцы широко использовали византийскую строительную практику, умело приспособивая ее к своим целям и задачам. В области церковного зодчества и монументальной пластики крестоносцы придерживались французской традиции, которая была их родной, национальной традицией. Как свидетельствуют фрагменты мозаик в церкви

<sup>1</sup> H. Buchthal. The Miniatures of the Paris Psalter. A Study in Middle-Byzantine Painting. London, 1938; H. Buchthal and O. Kurz. A Hand List of Illuminated Oriental Christian Manuscripts. London, 1942; H. Buchthal. A School of Miniature Painting in Norman Sicily. „Late Classical and Mediaeval Studies in Honor of Albert Mathias Friend, Jr.“. Princeton, 1955, p. 312—339 и мн. др.